

ЕВРОЦЕНТРИЧНЫ ЛИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

АНОТАЦІЯ

У статті представлена оригінальна позиція розуміння прав людини. Спочатку в історичному контексті проаналізовано розвиток поняття прав людини в Західній Європі та Північній Америці. На завершення вказано на роль різних цінностей, зокрема, свободи, толерантності, як підґрунтя сучасної концепції прав людини.

Ключові слова: права людини, євро-центризм, відмінності, свобода, толерантність.

АННОТАЦИЯ

В статье представлена оригинальная позиция понимания прав человека. Сначала в историческом контексте проанализировано развитие понятия прав человека в Западной Европе и Северной Америке. В завершение указано на роль разных ценностей, в т.ч. свободы, толерантности, как основы современной концепции прав человека.

Ключевые слова: права человека, евро-центризм, различия, свобода, толерантность.

SUMMARY

In the article the original position of the understanding of the human rights is presented. At first the progress of the concept of the human rights in the West Europe and in the Northern America in historical context is analyzed. Finally the role of the different values, including the freedom, the tolerance, as the basis of the up-to-date conception of the human rights is pointed out.

Keywords: human rights, euro-centrism, differences, freedom, tolerance.

В этой статье я хотел бы обсудить одну сложную проблему. Я задаю себе вопрос о том, являются ли права человека евроцентричными или же они по праву претендуют на универсальную действенность. В основе этой проблемы, очевидно, находится конфликт между различными культурными предпосылками. Можно ли и здесь принять разумное решение? Я попробую показать, как это возможно.

1. Набросок проблемы

Для начала сделаем набросок данной проблемы. Очевидно, что права человека – это продукты права западной цивилизации, европейской культуры. В любом случае это действительно на историко-фактическом уровне. Хотя другие культуры и знают такие или подобные права, но ни одна из этих культур не сформулировала их в качестве согласованных прав. Скорее всего, это произошло лишь в ходе Европейского Просвещения [1]. Однако теперь в европейской правовой традиции права человека понимаются как универсально действующие нормы. При этом выдвигается претензия представлять их от имени всего человечества. Это включает в себя не только характер предложения, но одновременно и характер требования. Как раз последнее и создает проблемы. От всех культур требуется признание за собою этих прав человека и их уважения. Тем не менее, есть культуры, которые отвергают права человека, по крайней мере, в их европейском понимании. Из-за этого возникают два сомнения, и каждая настоящая защита универсальности прав человека должна прийти к тому, чтобы их признать. Первый аргумент уличает права человека в евроцентризме. Этот аргумент выдвигается оппонентами на передний план. Второй аргумент вытекает из обязательств самого европейского мышления по правам человека. Идею достойности этого мышления в соответствии с его собственными предпосылками требует серьезного восприятия контраргументации. Если обдумать эти оба аргумента более тщательно, то, как мне кажется, можно прийти и к третьему соображению, которое позволяет разрешить конфликт.

Неевропейские оппоненты упрекают в том, что якобы права человека по своей форме не являются универсальными, а лишь специфически европейскими. Они якобы соответствуют лишь европейскому, а не любому возможному пониманию культуры, политики или человека. К примеру, должно ли европейское понимание культуры лишь посредством прав человека присваивать себе статус культуры вообще и заниматься затем культурным империализмом? Оппоненты считают, что хотя универсализация прав человека на переднем плане и несет в себе все черты доброжелательности и филантропии, но на заднем плане она представляет собою акт теоретико-правового колониализма. Особенно центральная предпосылка прав человека - выделение индивидуума – якобы является типично европейской и не сочетается с другими формами культур, которые единичного человека видят принципиально в соединении с большими комплексами, а его вычленение из таковых рассматривают как главное бедствие.

С другой стороны, европейские защитники прав человека, на которых совершаются такие нападки, обязаны всерьез воспринимать такие аргументы оппонентов. Причем именно по причине их собственных аргументов; позиция прав человека обязывает к этому. Поскольку их нормативные стандарты нацелены как раз на признание содержательных разногласий, отличающихся убеждений, отклоняющихся позиций. Поэтому представители европейского мышления по правам человека не могут противоположную позицию просто заклеить и отбросить как идеологическую, невежественную или предубежденную, – иначе тем самым они сами нарушили бы свои собственные нормативные стандарты. Ведь права человека отвергаются оппонентами с помощью определенных оснований, которые очень хорошо объяснимы, если исходить из иной логики тех иных культур. А именно признание такой инаковости принципиально и относится к идее прав человека. Таким образом, это непосредственно противоречило бы самому себе и было бы предательством своих собственных стандартов, если бы серьезно не воспринимались выборы, которые в культурном отношении отличаются от собственных, и если бы отказались от их обсуждения. Здесь именно европейцу как представителю прав человека и тяжелее, нежели кому другому, поскольку он уступает далеко идущим претензиям.

2. Предложение решения проблемы

Обвинению в евроцентризме – то есть имплицитной (не просто по происхождению) европейской форме мышления о правах человека – сначала можно противопоставить указание на критический потенциал, который структурно встроен в идею прав человека. Идея прав человека нацелена на то, чтобы отречься от всех неуниверсальных форм таковых прав, в том числе и европейских. Эта самокритичная структура заложена в двойственном уровне идеи прав человека. В дальнейшем я хочу пояснить её более подробно с помощью ключевого понятия «идеальное соотношение».

Французские «права человека» во Второй статье «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 года обозначены как «незыблемые законы». Это кажется парадоксальным выражением, но на самом деле – это в высшей мере содержательный термин. Он выражает то, что здесь речь идет о законах, которые лишены любого законодательства, не касаются никакого и не предписываются никаким законодательством. Они могут лишь признаваться законодательным актом, но не декретироваться ним. Другими словами – они имеют статус идеи, а не понятия. Определены, выписаны, институционализированы не собственно эти «идеальные» права человека, или в любом случае не по своей сути (которая описана в первой статье Конституции Федеративной Республики Германии как «достоинство человека»), а лишь так называемые основные права, которые проистекают из них, сформулированы и закреплены как действительное право. Например, право на свободное развитие личности, право на жизнь и личную неприкосновенность, свобода личности, свобода вероисповедания и совести. Они являются в определенном отношении правовыми позитивными конкретизациями того, что подразумевается и заложено в идее человеческих прав, и как таковой непозитивной идее.

Эта двойственная структура идеи и конкретики является решающей для концепции прав человека. Имея это в виду, я говорю об идеальном соотношении: То, что мы всегда формулируем как единичное, положительное право человека (в смысле основного права), является не последним правом самого себя и не является безусловно действительным, а действительно лишь на основании его отношения к идее прав человека, и в этом смысле не выписанной идее. В концепции прав человека имманентно заложено это идеальное соотношение. С одной стороны, оно имеет обосновывающую функцию относительно материальных прав человека, основных прав. С другой стороны, оно имеет критическую функцию – материальные права человека постоянно должны измеряться и проверяться на соответствие идее прав человека. При необходимости их следует также изменять, расширять или исправлять в соответствии с этой идеей. Как раз в свете идеи прав человека могут происходить исторические изменения – например, расширение индивидуальных и социальных прав.

Таким образом, в концепции прав человека заложена принципиальная способность и обязательство самокритики. Эта критическая потенция должна всегда активироваться там, где проявляются несовершенства формулировки. Указание на этот самокритический потенциал, тем не менее, вовсе не означает чего-то вроде окончательного оправдания мышления о правах человека вопреки возражениям. Напротив, он лишь указывает на то, что апелляция к правам человека согласно их собственным масштабам лишь тогда легитимна, если они включают в себя такую практику самокритики.

Если это условие действительно будет выполнено, тогда концепция прав человека, конечно, уже не будет просто так подвержена обвинению в евроцентризме, а она сможет ответить на него и принять его во внимание, а именно – корректируя и отказываясь от доказанных соответствующим образом односторонностей. В этом смысле критика относительно евроцентризма является прямо таки своим собственным пожеланием этой концепции. В этом обнаруживаются не границы концепции, а одно из ее решающих испытаний [2]. Критика евроцентризма представляет собою скорее фермент, нежели опровержение действительно последовательно разработанной и осуществленной концепции прав человека.

Теперь перейдем ко второму аргументу. Как было сказано, именно в соответствии с собственными масштабами мышления о правах человека необходимо серьезно воспринимать культурно обоснованные возражения против него. Однако предыдущее рассуждение показало, что вполне даже возможно, что очищение мышления о правах человека, которое было стимулировано указанием на его односторонности, заключается в его собственной интенции. Таким образом, теоретически здесь имеем дело скорее со следствием, нежели с конфликтом.

Но означает ли это также и то, что соответственным образом очищенное мышление о правах человека можно навязывать другим культурам против их мнения и воли? Очевидно, что пока отнюдь нет. И снова собственные предпосылки мышления о правах человека сами оборачиваются против такого повышенного требования. Если другая культура отвергает права человека, то как раз в соответствии с предпосылками мышления о правах человека это следует признать. Права ли в конечном итоге при этом другая культура или нет – этот вопрос здесь вовсе не стоит. Ведь к духовной свободе относится и свобода на ошибку. Если права человека (модифицированные и очищенные) не воспринимаются другой культурой, то в соответствии со своими собственными принципами остается лишь признание этого отвержения. Напротив, требование соблюдения прав человека в этом случае сразу же стало бы эквивалентным удару по самой идее прав человека. Таким образом, очищение как таковое не может легитимировать практическую универсализацию прав человека. Пока здесь остается противоречие.

Может быть, тогда получится оправдание практической универсализации прав человека путем обоснования? Для начала обозначим самое существенное. Во-первых, права человека, если они все же должны быть «незыблемыми», нельзя обосновать путем их

выведения из других точек зрения. Во-вторых, из оставшихся после этого возможностей обоснования отрицательный путь будет более перспективным, нежели положительный путь. Положительные обоснования должны в конечном итоге прибегать к содержательно акцентуированному пониманию человека. Но в межкультурном отношении такой подход будет всегда спорным. Отрицательные обоснования осуществляются несколько иным путем. Они вопрошают, какие последствия (особенно негативные) наступят потом, если предпосылки не нашли признания, и каким интуициям тогда будут противостоять эти последствия, - так что при противоположном выводе для предотвращения этих последствий необходимо признать предпосылки. Таким образом, отрицательное обоснование осуществляется путем указания на очевидно ложное, на то, что в любом случае необходимо предотвратить. Не осуществление абсолютно правильного, а предотвращение этого ложного – вот цель и аргументативный потенциал отрицательного обоснования.

По сути, относительно этого вопроса о правах человека получается следующее. Лишь признание этих прав способно гарантировать то, чтобы иным позициям и культурам не угрожали насилие, уничтожение и истребление. Ведь именно защита иного от притеснения и уничтожения и является ведущей интенцией прав человека. Основной предпосылкой при этом выступает содействие выживанию иного – как раз не только физическому, но и психическому, культурному и духовному выживанию. И ради этого - с целью сохранения иного от насилия, которое могло бы нарушить его интегративность или уничтожить его существование – выступают за права человека. Необходимо предотвратить эти негативные последствия неуважения прав человека. Это и есть фокус «негативного обоснования» прав человека.

Если в этом пункте последовательно поразмышлять далее, то можно прийти к разрешению выше названного противоречия, можно создать защиту *прагматического* универсализма прав человека, которая способна выдерживать критику. Тем не менее, для этого необходимо дополнительно принять во внимание один ситуативный момент – сегодняшнюю ситуацию в мире и ее требования относительно сосуществования различных культур.

Тезис гласит следующим образом: «Европейская модель» – это единственно известная нам модель, которая способна справиться с этой ситуацией. Собственно говоря, она является единственной, которая вообще задалась следующим вопросом и разработала возможность его разрешения - как различные культуры могут мирно сосуществовать и не сталкиваться в смертельной схватке друг с другом. Конечно же, к этому пришли не из-за какого-то особого благонравия европейской традиции и не по доброй воле. Совсем наоборот: Артикуляция прав человека была осуществлена вследствие жестокой необходимости исторических обстоятельств. Во время религиозных войн в 16-м и 17-м веках Европа пережила на своей территории столкновение различных ориентаций с претензиями на абсолютность. Следствием были ужасные кровопролития. Единственно мыслимым выходом из этого бедственного положения (как и из структурно похожих бедственных положений) стало мышление толерантности и прав человека, выработанное в эпоху Просвещения [3]. Оно гласит: Лишь когда принципиально будет признана инаковость, то только тогда встреча различных ориентаций и культур может осуществляться мирным, а не кровавым путем.

Эта модель по-прежнему способна справляться с вызовами сегодняшней ситуации в мировом историческом масштабе. И она является единственно известной нам моделью, которая предлагает решение этой ситуации, поскольку она приспособлена к разрешению остроты проблемы. Лишь европейская культура в виде концепции прав человека развила такую концепцию, которая принимает вызов резких отличий культур и, учитывая это, – или если сформулировать упрощенно: учитывая их несовместимость, не апеллирует к филантропическим предпосылкам совместимости – позволяет мыслить и гарантировать сосуществование различий.

Отсюда следует и выделение этой концепции на фоне реальных тенденций и бедствий сегодняшнего состояния мира, поскольку он характеризуется ранее неизвестным, прямым

столкновением самых различных культур. Лишь эта модель предоставляет подходящее и предлагающее решения управление таким состоянием мира. Это прагматическое выделение обосновывает право принятия данной концепции (за неимением лучшей) в качестве фундамента для сосуществования культур - и в этом смысле право требования её и возложения её также на другие культуры. И в этом – только лишь в этом – смысле оправдана *прагматическая* универсализация «европейской» концепции прав человека.

Такое решение, являющееся однозначным в приведенных ситуативных и исторических условиях, тем не менее, вовсе еще не означает, что потеряны из виду границы и в определенном смысле также хрупкость этой позиции. Позицию по правам человека нельзя обосновать абсолютно. На предпосылку, согласно которой сосуществование культур лучше должно иметь форму мирного общения, нежели форму уничтожения, выдвигает претензию и олицетворяет её позиция по правам человека. Но эта предпосылка совсем не может быть обоснована последней. Того, кто не разделяет названной предпосылки, не смогут убедить в ней даже декларации о правах человека. И его, если он действует так же, как и мыслит, – нужно будет признать в качестве противника и как такового серьезно воспринимать.

И еще один оставшийся пункт. Здесь вовсе не утверждается в каком-либо смысле, что будто бы концепция прав человека является венцом мудрости и что, к примеру, сосуществование людей на все времена следует организовать по этой модели. Единственное, что мы можем сказать, так это то, что в отношении сосуществования культур на сегодня мы не знаем никакой лучшей концепции или же никакой концепции до сих пор не нашли. Но мы не можем исключить, что человечество в последующие века сможет найти иные и лучшие решения. Тем не менее, мы не имеем никакого представления, как могло бы выглядеть такое иное решение. И в этом смысле защиту концепции прав человека следует создавать как осознанно ситуативную, а не вечную. То есть здесь принимаются во внимание возможности участников в сегодняшнем мире, но не выдвигаются претензии на то, чтобы говорить относительно всех потенциальных участников во всех возможных мирах. К тому же защита этой концепции, как было изложено ранее, должна сторониться самопровозглашения себя справедливой. Лишь, будучи самокритичной – и не только в смысле теоретического потенциала, но и в качестве руководящего принципа повседневной практики, – концепция сможет выстоять, что и заслуживает поддержки.

Поскольку артикулирование является еще хрупким, то и осознание пограничности и предварительности относится к разумному характеру решения относительно универсальности прав человека в сегодняшних условиях. Самое удивительное – это то, что прозрачность, которой содействует разум в ситуациях, требующих принятия решения, полностью в состоянии соединять сомнительность условий принятия решения с однозначностью решения. В представленном случае деятельность разума направлена на фундаментальное выяснение культурных стандартов, внутренней и требовательной логики концепции прав человека, а также противостоящего образца культуры, и на особенные исторические условия, при которых (безо всякого) оправдывается и становится необходимым решение относительно универсальности прав человека. Не только лишь прозрачность оснований, но и осознание хрупкости обеспечивает при этом разумный характер решения. Решение является четким и одновременно уравновешенным. Именно способностью принятия надежного и четкого решения в условиях сомнительности – этим и выделяется разум.

Примечания автора:

1) Первыми заявлениями являются американский «Виргинский Билль о правах» (1776) и французская «Декларация прав человека и гражданина» (1789).

2) Это, между прочим, действительно не только в отношении критики евроцентризма, но и в отношении других предполагаемых односторонностей обычной концепции прав человека, например, относительно ее имплицитной андроцентричной формы и даже

относительно ее антропоцентричной (едва выдерживающей критики в обычной исключительности) формы. Обсуждение этих вопросов здесь конечно может завести слишком далеко. Тем не менее, ясно, что и подобного рода критики осуществляются в свете *идеи* прав человека и должны иметь свою меру относительно выясненной формы этой идеи.

3) Предположительно европейская культура пришла к этой вынужденной ситуации, поскольку она сначала была «более абсолютистской», нежели любая иная мировая культура. Поэтому она и оказалась вынужденной к осуществлению особенно болезненного процесса с целью сильнейшей самотрансформации.

Перевёл с немецкого языка Владимир Абашиник